

Елена Сазанович

Улица вечерних усад

Елена Ивановна Сазанович

Улица вечерних усад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=155498

Улица вечерних усад: Эксмо; Москва; 1998

Аннотация

Впервые напечатана в 1997 г. в литературном журнале «Брызги шампанского». Вышла в авторском сборнике: «Улица вечерних усад», серия «Очарованная душа», издательство «ЭКСМО-Пресс», 1998, Москва

Содержание

Елена Сазанович

4

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Елена Сазанович

Улица вечерних усад

Вот уже много дней я ни выношу вид бумаг и чернил. И книжные магазины обхожу стороной. И почту не забираю. Наверно потому, что все это напоминает мое ремесло. Напоминает бессонные ночи. Неисчислимое количество пустых пачек от сигарет. Недопитых бутылок. Головные боли. И учащенное биение пульса. А еще напоминает страх. Страх, что ничего не получится. Я уже давно понял, что получается у тех, кому этот страх не знаком. Получалось у Китова, моего старинного товарища по перу. Он писал с такой же легкостью, с какой гонял на мотоцикле. С такой же легкостью он и погиб. И я все чаще жалею, что так и не нашел времени с ним поговорить по душам. Без сомнений, разговор наших душ состоится. И без сомнений, далеко не здесь. И мне остается молить Бога, чтобы это случилось не скоро. Потому что больше всего на свете я люблю жизнь. И ценю ее больше всего на свете. Даже если она не так часто ко мне благосклонна. Впрочем, ее благословений я никогда не выпрашивал. Я просто принимал в ней все. Осенние дожди. Одиночество. Утренний свет. И удачу. И еще многое-многое другое. Наверно, именно из-за этой моей благодарной любви к жизни я каждое утро прихожу в это маленькое кафе. Усаживаюсь

за столик в самом углу. И заказываю чашечку крепкого кофе. Я не знаю почему, но именно с этого момента я начинаю чувствовать жизнь. Прикасаюсь губами к горячему горькому кофе. Затягиваюсь глубоко сигаретой. И от удовольствия зажмуриваю глаза. И на минуту жалею Кита. Что этого удовольствия ему уже разделить не суждено. Что ж. Возможно, его удовольствие было в другом. Удовольствие бешеной скорости. Бешеного падения. Бешеной жизни. И бешеной смерти. И если он когда и заглядывал сюда с утра. То только, чтобы подмигнуть мне. Похлопать по плечу. И рывкнуть в самое ухо:

– Салют, старик! Ты все такой же зануда! Я у тебя отхлебну глоточек?

Я молча кивал. А он набрасывался на мой кофе. И с шумом отхлебывал «глоточек». А я с опаской косился, как бы он не проглотил заодно чашку. Для него это бы ничего ни стоило. И я заказывал себе повторный кофе. И уже слышал треск его мотоцикла, сквозь который раздавался его оглушительный смех. Кит тоже любил жизнь. Я в этом уверен. И так ею легкомысленно пренебрег. Когда я увидел его. Покорно покоящегося в гробу. Мне захотелось расхохотаться. Настолько нелепо он выглядел в черном костюме и остроносых туфлях. В которые, по всей видимости, вырядила его последняя жена. Любительница подобных нарядов. Что ж. После своей смерти у него не хватило наглости ей сопротивляться. Но по его удрученному виду я понял, что он в полном недо-

умении. И я подошел и похлопав его по плечу:

– Ничего, старик. Как знать, возможно, там это и пригодится. Во всяком случае, можешь загнать.

Скорбящие гости возмущенно заохали. И я услышал, как кто-то зашипел в мою спину:

– Они все чокнутые, эти писаки.

– И все алкаши, к тому же.

Мне захотелось вслух возмутиться. И я даже поправил пиджак, чтобы держать речь над гробом безвременно погибшего товарища. Я хотел сказать, что он был не писака, а поэт. И не алкаш, а так – любитель чуть-чуть выпить. Но я вновь увидел лицо своего друга, которое мне говорило:

– Не связывайся, старик, хоть в такой день. В такие дни, говорят, скандалы не устраивают.

– А ты откуда знаешь? – хотел было я возразить ему. Но, махнув рукой, направился к выходу. Больше мне здесь было делать нечего. И какой смысл разговаривать с мертвым Китом? Мертвый Кит стал никому не нужен. Даже его последней жене. Которая, по-моему, не смотря ни на что, его любила. Ей нужен был живой Кит. Да, пожалуй, и мне. Его самому старинному и лучшему другу. Какой черт он мне теперь сдался? Если у него даже не стрельнешь сигарету. А что это, скажите, за друг, если он не способен угостить сигаретой. И я вновь безнадежно махнул рукой. Нет, старик. Ты глубоко не прав. Так легкомысленно распоряжаются жизнью только идиоты. Да тебя уже через год будут вспоминать разве что

при застолье. Нет, я так не согласен. Уж я постараюсь до конца выжать из жизни все. Пока хватит на это сил. Потому что больше всего на свете я люблю жизнь.

После смерти Кита мне почему-то тошно стало смотреть на бумагу и чернила. Мне вдруг явственно представилось, что после смерти всего-то и останется что бумага. И чернильные записи на ней. И мир мне показался до боли комичен. И мне захотелось раз и навсегда поставить точку. И после нее начать свою жизнь. В конце концов она в любом случае будет мне дороже, и обойдется дороже, чем жизнь моих выдуманных героев. И только недоучки могут утверждать, что бумага и чернила – это болезнь навсегда. Уж кто-кто, а я от этой болезни избавлюсь. Как нечего делать.

Вот почему я прихожу в это маленькое кафе. Сажусь за столик в самом углу. Заказываю чашечку крепкого кофе. И глубоко затягиваюсь сигаретой. И моя правая рука уже свободна. Она не лезет назойливо в карман в поисках ручки.

– Странно, вы уже который день ничего не пишете? – улыбается мне официантка.

– Все уже давно написано, моя дорогая, – с очень умным видом я выдавливаю из себя самую наиглупейшую фразу на свете.

Но мои слова действуют. Официантка заискивающе заглядывает в мои глаза. И молча просит выдать еще чего-нибудь умного. Я уж точно знаю, что она спит и видит, как после моей смерти даст интервью журналистам по поводу моей

глубокой личности, которая окажется к тому же не из мира сего. И я уже никак не смогу убедить этих прилипчивых газетчиков. Что уже если кто и ходил ровно по земле, так это я. А не из мира сего бывают только покойники. И я мысленно даю себе клятву, что такой радости официанточке не доставлю. И всеми силами постараюсь ее пережить. Хотя мне ее, если честно, очень жаль. По-моему, она в меня влюблена. Но она и в мыслях не может себе допустить, чтобы со мной реально вступить в интимную связь. Она наверняка считает, что передо мной открыты все двери к любому женскому сердцу. И женщины все непременно кинозвезды или литераторши. Куда уж ей, несчастное официанточке. Дура? Она и понятия не имеет, что я с большим удовольствием связался бы с любой первой встречной официанткой. Чем со всеми кинозвездами и литераторшами вместе взятыми. Во всяком случае она не будет рассуждать о сложностях нашей брэнной жизни. И об упадке отечественной литературы тоже вряд ли додумается спросить.

– И все-таки жаль, что вы больше не пишете, – вздыхает официантка. И опускает взгляд. – Ваши произведения... Они... В них столько...

О Боже? И она туда же. Неужели ей трудно. Вот так же опустить взгляд. Чуть-чуть покраснеть. И сказать чуть заикаясь:

– Я столько думаю о вас. Как вы думаете, с чего бы это?
И я бы ей непременно ответил. И к черту всех кинозвезд.

И литераторш тем более. К тому же у этой официанточки очень симпатичные глазки. Но она стоит передо мной по-прежнему, как дура. И пытается что-то связать более-менее приличное о литературе.

Я перевожу взгляд за окно. И глубокомысленно созерцаю вид за ним. Официанточка понимающе улыбается и исчезает. Не иначе, как подумала, что в голову писателя пришла гениальная мысль.

А какие к черту мысли. Если за окном вообще ничего не видно, кроме какого-то полуразрушенного сарая. И отпиваю глоток кофе. И затягиваюсь сигаретой. И все-таки я люблю жизнь. Люблю этот полуразрушенный сарай за окном. Люблю утро в этом маленьком кафе. И, пожалуй, люблю эту глупышку официантку, которая тоже стала частью моего утра. Как кофе и сигареты. И с них я начинаю чувствовать свою жизнь.

– Привет, Лоб!

Лоб – это моя старинная кличка. От фамилии Лобов. И я с удовольствием на нее откликаюсь. Лоб – это что-то основательное, непробиваемое.

– Привет! – и я с нескрываемым любопытством разглядываю свою собеседницу. Она довольно стара. И все-таки с хорошей фигурой. И со следами былой красоты на увядшем лице. Видимо, преждевременно угасшей в угаре страстей.

Я протягиваю ей сигарету. И она глубоко затягивается.

– Не узнал? – она кокетливо подмигивает.

Я ей отвечаю тем же.

– Это ты сделал из меня такое чучело, – и она дотрагивается до своих глубоких морщин, – Потрогай.

Я ощупываю ее дряблую кожу на лице, шее. Пытаюсь проникнуть под вырез поношенного платья.

Она хохочет пожелтевшими зубами. Видно, ей это нравится.

– Мне это не нравится, – бесстыдно лжет она. И убирая мою руку.

– Лина! – радостно вскрикиваю я. – И все-таки ты хороша, Лина?

Она грустно качает головой.

– Ты не пожалел слов. Не пожалел метафор, сравнений, описав меня красавицей в молодости. И ты не пожалел меня на сотой странице, сделав такой уродиней.

– Ты хорошо разбираешься в литературе, Лина. Но очень мало в жизни. В жизни за все нужно расплачиваться, Лина.

– Одиночество – это худшая расплата, Лоб, – и она стукнула меня по лбу. – Тебе не понять, что я пережила. Ты способен только на выдумку.

Я пожимаю плечами.

– Хеппи энд не в моем духе, Лина. Во всяком случае, ни у одной моей героини не было столько любовников, как у тебя. Ты стала настоящей героиней, Лина.

Лина вновь хохочет своими пожелтевшими от никотина зубами.

– Ты прав, Лоб! И за это я тебе благодарна. Ведь у тебя никогда не было такой женщины, как я?

Я грустно вздыхаю. Мне ответить нечего.

– Таких женщин не бывает, Лина.

Лина уходит, развязно покачивая бедрами. И длинный красный шлейф от старого платья тянется за ней. И уходя, напевает какую-то грустную песенку о страстной, но давно минувшей любви. Эта песенка тоже моя. Но мне она нравится. Особенно в исполнении Лины. Я машу ей вслед рукой. И думаю, что Лина была, пожалуй, самой удачной моей выдумкой.

– А я? – и я почувствовал, как мою шею обвили нежно женские руки. Я легонько похлопал по ним.

– Ну-ну.

И она мигом очутилась у меня на коленях. И чмокнула в щеку. И на моей щеке отпечатались ее большие губы.

– Алла! – невесело улыбнулся я. – Нехорошо так вести себя, девочка. Нас могут увидеть. – И я попытался согнать ее со своих колен.

Но она и не собиралась убраться. Она еще крепче обвила мою шею руками.

– Какой ты красивый, Лоб! – и она поцеловала меня в лоб.

– Ты тоже красива, Алла! И всегда молода! – не подумавши, ляпнул я.

– Потому что ты умудрился меня застрелить, когда мне еще не исполнилось и 25-ти.

– Ему не могло понравиться, что ты юркнула в постель к этому сумасшедшему боксеру. Он любил тебя, Алла, – оправдывался я настолько, насколько хватило моего литературного таланта.

– В моей жизни было всего два мужчины, Лоб. При моей внешности это мало, – вздыхает Алла. И ее плечо оголяется. Я целую ее в оголенное плечо.

– Твои любовники самые удачные мои выдумки. Эти мужчины стоят всех. Сознайся, разве тебе было с ними плохо?

Алла обиженно надувает щеки. Совсем еще девочка. Может, и впрямь я слишком рано ее пристрелил?

– Ты слишком безжалостен, Лоб, – Алла прижимается к моей щеке. – Иногда мне кажется, что я прожила жизнь зря.

– Это глупость, Алла, – успокаиваю ее я. – За свои неполные 25 лет ты сумела насладиться всем в этой жизни. Это не всякому дано, Алла.

– Даже тебе, Лоб?

– У меня не было такой женщины, как ты, Алла.

Я попал в точку. Ее женское самолюбие удовлетворено. Она соскакивает с моих колен. И закрывает свое оголенное плечо. Она поверила, что жизнь ее прожита не зря.

Не успела она исчезнуть, как тут же кто-то закрыл мои глаза.

– Угадай, угадай, – раздался звонкий женский голос.

Я ощупываю ладони. Тонкие женские руки. Худые бедра в узкой юбке. Голые тонкие ноги.

– Угадай, угадай!

Моя рука сползает до острой коленки. И нащупывает родимое пятнышко. Коленка при этом сжимается.

– Мария! – радостно вскрикиваю я. – Моя дорогая Мария!

Она убирает руки, и мы целуемся долгим глубоким поцелуем.

– Никто так сладко не целуется, как ты, Мария.

– Это ты меня научил, Лоб.

Мария – самая умная из моих героинь. И поэтому, наверно, самая несчастная.

Мария трет родимое пятнышко на острой коленке.

– Это самая твоя удачная выдумка, Лоб.

– Спасибо, Мария.

– Оно всех сводило с ума, Лоб.

Я почтительно поклонился. Хотя уже начал догадываться, к чему она клонит.

– Ты бросил к моим ногам всех парней, Лоб, – и она пристально на меня посмотрела. – Кроме одного. Кроме того, кого я любила, – еле слышно добавила она.

– Если бы и он был у твоих ног, Мария, мой рассказ никогда бы не удался.

– Тебе пришла после него слава, Лоб. А мне досталось разбитое сердце.

– Ты была замужем, Мария. А он был порядочным парнем. А для любви, Мария, нужна свобода.

Мария грустно качает головой. И в ее больших светлых

глазах скапливаются слезы.

– Для любви нужна любовь, Лоб. И больше ничего.

Черт побери! Ну, кто посмеет утверждать, что она не умна!

– Не сердись на меня, Мария, – и я склоняю голову. И целую родимое пятнышко на острой коленке. – Он был не достоин твоей любви.

– Именно поэтому я его и любила, – отвечает Мария и нежно гладит мой лоб.

Ах, Мария, Мария. Ни одна критика не смогла бы так метко попасть в цель.

– До свидания, Мария. Мне жаль, что я не повстречал такую женщину, как ты.

Эти слова я говорил от чистого сердца. И Мария в знак благодарности улыбается мне на прощанье.

Они приходили ко мне и уходили. Упрекали. Обнимали. Требовали. Лили потоки слез. И подшучивали надо мной. Их было много. Они были очень разные. И очень походили друг на друга. Неужели я столько их мог выдумать за свои неполные тридцать шесть лет? Уму непостижимо. Какой я умница. И я с любовью погладил себя по седеющей прежде времени шевелюре. Они все были чертовски красивые. Дьявольски соблазнительны. И бесовски развратны. Все мои женщины. Которых я так и не сумел встретить в жизни. И которых мне хватило таланта придумать. Кстати, довольно удачно.

Они приходили. И уходили. И я оставался один. Со своей очередной чашкой кофе. И зажженной сигаретой в чуть дрожащей руке. И я ждал. Я знал, что она сегодня непременно придет. Они всегда приходит, когда мне трудно. И когда меня в очередной раз мутит от чернил и бумаги. Что ж. Сегодня я попробую выдержать ее нападение. Сегодня я попробую выиграть.

Она пришла, как я и ожидал. Небрежно развалилась на стуле. И я заказал еще чашечку кофе.

Официантка недовольно поморщилась. И оглядела мою гостью с ног до головы, явно решив, что она проститутка.

– Ты бы оделась поприличней, – заметил я вместо приветствия.

Она забросила ногу за ногу, не удосужив даже отдернуть узкое черное платье, оголившее ее длинные ноги. Она встряхнула огненно рыжей гривой. И бретельки на платье развязались.

– Они тебя сегодня измучили? – рассмеялась она хрипловатым голосом. И на ее бледных щеках выступили глубокие ямочки.

– Я прощался с ними, – серьезно ответил я.

– Это мог сказать Кит. А ты...

– При чем тут Кит, – насторожился я.

– Он простился с жизнью. Значит он простился со всеми. Кого сочинили в этой жизни.

– Тысячи, миллионы людей живут ничего не сочиняя. И

между прочим, наслаждаются жизнью. Я бы не раздумывая отдал все свои произведения, только бы встретить в жизни хотя бы одну женщину. Которую выдумал.

– Ты ошибаешься, Лобов. Их выдумала жизнь. А тебе только осталось записать. А это не так уж сложно.

Она явно приуменьшила мои способности, эта чертовка!

– На тебя оглядываются, – заметил я ей.

Она оглянулась. И увидела шепчущихся официанток. Она развязно повела плечами. И приняла еще более вызывающий вид.

– Тебя могут выставить отсюда, как последнюю уличную девку.

Она внимательно вглядывалась в мои глаза. И в ее глазах я читал грусть.

– Но они не посмеют этого сделать, – смущенно ответил я на ее пристальный черный взгляд. – Ты для меня много сделала. Но извини, – и я развел руками. – Ты больше мне не нужна.

– Тебя не устраивает мой вид?

Я схватился за голову. И стиснул зубы.

– Я не знаю, не знаю. Я уже ничего не знаю. Иногда мне кажется, что все так бессмысленно...

– Если бы я была мужчиной. У тебя было бы масса возможностей покопаться в мужской психологии. Если бы я вырядилась в военную форму. Ты бы мог написать антимилитаристский роман. Если бы я превратилась в страшную ста-

руху. Тебе, видимо, удалось бы строчки о смерти.

– Во всяком случае, это было бы нужнее! – закричал я.

И со всей силы стукнул кулаком по столу.

Официантки испуганно замолчали.

Она взяла мою руку в свою теплую ладонь. И крепко пожала ее.

– Ты ошибаешься, Лобов. Любовь в твоих книжках, Лобов, богаче любой философии. Бесстрашней любых подвигов. Сильнее любой смерти. Потому что в ней есть все. И философия. И война. И смерть.

– А Кит? Какой тебя видел Кит?

– Мы часто вместе смеялись. И дурачились. И мое прозрачное платье вздувалось на ветру. И цвет волос мой был розовый. Как его мечты. А, впрочем, вы были похожи.

Я удивленно поднял брови.

– Я слишком люблю жизнь, чтобы так легко покинуть ее.

– Он тоже слишком любил жизнь. Поэтому так легко покинул ее. В этом вы и похожи, Лобов.

Она встала. Она была очень красива. И чертовски соблазнительна. И походила на всех моих героинь вместе взятых. До чего я обожаю длинноногих! И мой взгляд остановился на ее тонких ногах. Она подняла вверх руку. И звонко щелкнула пальцами. Пришлось перевести взгляд. Хотя мне ужасно не хотелось этого делать.

– У Китова остались письма. Почитай их, – посоветовала она мне на прощанье.

Я упрямо покачал головой.

– Я не настаиваю. И все же... Он был твоим другом, Лобов.

– Друг так бы не поступил.

– Не мы, к сожалению, распоряжаемся вождением и жизнью. И смертью, Лобов. Единственное, на что мы способны, – это желать или не желать.

– Мне нет дела до его писем! – вновь не выдержав, рявкнул я. Зная, что уже давно проиграл. Как только она появилась. Так сразу я предательски сложил свое оружие. И поднял руки вверх. Впрочем, выигрывать у женщин бессмысленно.

– Ты очень хотел выиграть, Лобов? – сочувственно спросила она у меня. И забросила руки за огненно рыжую голову. И изогнулась. И сладко зевнула.

Я резко рванул к ней. И со всей силы прижал ее огненно рыжую голову к своей груди.

– Нет, – зашептал я. – Я очень. Очень. Очень хотел проиграть.

И нам в спину официантки бросили ядовитый смешок. Насквозь пропитанный черным кофе. И сигаретным дымом нового дня.

Она самая настоящая чертовка! Возмущался я, направляясь уверенным шагом к дому Кита. Ни одна, пожалуй, женщина, не умела так ловко соблазнять. Как она. Что ж. И на сей раз я поддаюсь соблазну. И с преогромным удовольстви-

ем. И все-таки я не уверен, что из этого что-нибудь стоящее может получиться. Я хорошо знал Кита. Знал с самого детства. Мы выросли в одном дворе. Закончили одну школу. И один университет. И стали вдвоем литераторами. И все-таки нам так и не удалось поговорить по душам. Впрочем, думаю, в этом и не было необходимости. Наши души были всегда распахнуты друг перед другом. И отчетливо видны. К чему слова? И что она имела ввиду, моя соблазнительная чертовка? Если она рассчитывает, что я напишу роман о Ките. То она глубоко ошибается. Кто угодно! Только не я. Я не допущу, чтобы Кит пополнил ряды моих персонажей. И только потому, что он был моим другом. Настоящим верным товарищем. И что нового я смогу найти в его записях? Письмах? Признания в любви многочисленных поклонниц? Да, Кит был сердцеедом. Но ни одно сердце он до конца так и не съел. Хотя, не спорю, сердцеедство ему не мало в жизни приносило удовольствия. Но в литературе это бы выглядело довольно скучно. Ни одна женщина не застрелилась из-за Кита. И ни одна не утопилась. Что и говорить! Ни одна даже не пыталась травиться! Хотя бы ради разнообразия. И даже ни одна ради него не посмела бросить мужа. Наверно, все это непременно бы случилось. Если бы Кит так быстро их не менял. Они просто не успевали к нему привыкнуть. А привыкнуть за пару ночей практически невозможно. В этом я точно уверен. А моей фантазии требовалось бурных страстей. Душераздирающих вздохов. Гору разбитых сердец. И

иногда капельку крови. Что ж. Это моя стихия. И в нее я с удовольствием окунаюсь с головой.

С такими, пожалуй, не слишком обнадеживающими мыслями я вскоре трезвонил Киту в дверь. Что ж, Кит? Я не ошибся, утверждая, что нужен ты был только живым. Твоя жена, Кит, открыла мне дверь, как и положено. В черном траурном платье. Которое, кстати говоря, ей очень шло. Как ни странно, она похорошела, твоя жена, Кит, в этом мягком трауре. Видимо, она только после твоей смерти узнала, что такое покой. Как видишь, она тоже не отравилась из-за тебя. И не повесилась. Кроме того, от нее пахло прелестными дорогими духами.

– Привет, Каина! – и я приподнял свою широкополую шляпу.

– Здравствуй, Лобов, – она принужденно улыбнулась. И пригласила меня в комнату. И тут же спрятала свою улыбку в траур, вспомнив, что улыбаться еще не время. – Я рада, что ты зашел, – еле слышно сказала она, пытаясь выдать из своего глаза хотя бы одну слезинку. Но у нее ничего не получилось.

А я безуспешно пытался вспомнить, какая она по счету жена Кита. Но мне это так и не удалось. Женщины Кита пу- тались в моих воспоминаниях. И умещались лишь в одном образе Жанны. Они все были похожи на нее. Это был излюбленный тип женщин Кита. Которому он остался верен до конца своих дней. Крупные грудастые блондинки все как

одна были выше маленького черненького Китова. И все они были непременно серьезны и умны. Чего в жизни не хватало Киту, он искал в женщинах. И успешно находил.

– То, что случилось... – Жанна мяла свои крупные белые руки. – Это страшно, то, что случилось, Лобов. Он так неосторожен был в жизни. Я не уберегла его, Лобов...

В таком духе Жанна могла говорить бесконечно. А мне, как полному идиоту, ничего не оставалось, как выражать на лице страдание и скорбь. Вот расхохотался бы Кит, увидев мою глупую рожу.

– Свари мне лучше кофе, Жанна, – как можно тактичнее перебил я ее. Но у меня это плохо получилось.

Жанна замолкла на полуслове. И в ее глазах промелькнуло презрение. По-моему, она меня всегда не особенно жаловала. И особенно попадало моим произведениям. Которые, по ее мнению, были глубоко аморальны. И лишены всякой философской концепции. Интересно, что с такими бабами делал Кит? Не раз задавал себе я этот вопрос, мучающий меня долгое время. И хотя он не раз намекал, что в постели никаким глубинным философским анализом далеко не пахнет. Я почему-то не верил. Но проверять у меня не было никакого желания. Наши увлечения никогда не пересекались. И мы были вполне довольны, что у каждого была своя точка зрения на этот счет.

– Ты сейчас что-то пишешь, Лобов? – крикнула низким голосом Жанна из кухни.

Я посмотрел на потолок. И засвистел «Собачий вальс».

– Ты что-то сказал? – уже как-то угрожающе вновь крикнула она.

– Нет! – рывкнул я. – Ничего не пишу?

Жанна появилась в дверях с подносом.

– Просто ты взрослеешь, Лобов. Я думаю, смерть твоего друга натолкнет тебя на иные темы. Более достойные внимания человеческой особи...

Я поперхнулся. И пролил кофе на свои широкие, пожеванные штаны.

Жанна даже не предложила замыть пятно. Он лишь презрительно взглянула на мои штаны, выдавшие всякие виды. И решила, что одно кофейное пятнышко никак не сумеет испортить их образ.

Нет, от таких баб можно с ума сойти! Кит, видимо, был чуточку сумасшедший.

Меня порадовало, что Жанна вскоре поняла, что нам с ней больше разговаривать не о чем. И я был ей благодарен, что безмятежно допил оставшийся кофе, в полном молчании.

Жанна встала.

– Спасибо, Жанна, – наконец сообразил я, что, если буду продолжать в том же духе, писем Кита не увижу даже издалека. – Спасибо, Жанна. Ты варишь очень вкусней кофе. Уже только за это на тебе можно жениться, – произнося слово «жениться», я несомненно поступился своей совестью.

Жанна захлопала накрашенными ресницами. И посмотре-

ла на меня, как на законченного кретина. Но я не унимался.
– Кит мне часто рассказывал о тебе, Жанна.

И я вспомнил как Кит размахивал руками, красочно описывая размеры ее груди. И мой взгляд нечаянно скользнул по черному платью.

Жанна приняла это на свой счет. Но в остальном провести ее было довольно трудно.

– Говори сразу, что тебе надо, Лобов. Не изворачивайся. Со мной этот номер не пройдет.

Да с тобой вообще никакой номер не пройдет. И я мысленно ругнулся. И тут же прервал свои недостойные мысли. Вспомнив, что она была все-таки женой моего лучшего друга. Который умудрился в ней выкопать какой – никакой кайф. И за это ему можно поставить памятник.

– Я слушаю, Лобов, – требовательно повторила Жанна. – И не смотри на меня так. Судя во твоим произведениям, я далеко не героиня твоего романа.

Упаси меня бог!

– Жанна, – как можно ласковей начал я. – У Кита, – я кашлянул. – У моего лучшего друга Китова. Товарища по детству, отрочеству и юности...

– Можно короче, – далеко не вежливо она перебила мою насквозь прочувственную речь.

– Отдай мне его письма, Жанна, – выпалил я. – Отдай. На пару дней. Я все верну. Все до единого. Ты пересчитаешь. Я все верну...

Жанна пожала плечами.

– Ты смешон, Лобов. И ради этого стоило так кривить душой?

Стоило, Жанна. Ради этого еще как стоило.

– Я никогда не читала его писем, Лобов, – Жанна при этом уничтожающе просверлила меня взглядом. – Я никогда не сую свой нос в личную жизнь другого. Не имею такой привычки. Даже если он и самый мой близкий человек. И даже если его уже нет, – и Жанна вновь попыталась выдавить слезу. И у нее опять ничего не получилось. По-моему, она понятия не имеет, что это такое.

– А у тебя, безусловно, хватит совести копаться в его личной переписке, Лобов, – И Жанна посмотрела на меня, как на преступника.

Мне оставалось только выдать что-то похожее на вздох. Я был совершенно согласен с Жанной. Моей совести хватит и на такое.

Совсем скоро Жанна протягивала мне целлофановый мешок. Туго набитый словами и мыслями поклонниц Китова. Неужели она и впрямь их не читала? И по ее суровому виду. И по ее гордой осанке. Я понял, что ее принципы не возводят ей снизойти до такого. И я уже нисколько не сомневался в умопомешательстве Кита. Ну что это за женщина, которая способна выдержать. И не засунуть нос в личную жизнь человека, с которым она провела не одну ночь. Да, такая женщина все-таки достойна быть героиней романа. Но увольте!

Только не моего!

Дома я, развалившись в кресле. Копался без зазрения совести, в словах и мыслях многочисленных поклонниц Кита. И совесть меня ни капельки не мучила. Что мой нос ворошил его личную жизнь. Я уверен, что попроси я при жизни Кита, его переписку. Он и глазом не моргнув, мне бы ее отдал. Но у него и мысли не возникло, что для меня это представит какой-либо интерес. И его мысль работала в правильном направлении. Ври жизни Кита к черту все это было мне нужно! Мне было достаточно красочных описаний его любовных походов. На которые не скупился в своих рассказах Кит. Да и теперь я находил мало удовольствия, разбирая этот хлам женских вздохов и слез. Уже на третьем письме я понял, что все остальное будет в таком же духе. Я мысленно видел всех женщин Кита перед собой. Крупных грудастых блондинок. С умным выражением на лице. И в каждом письме был упрек Китову за его легкомысленный нрав. За его легкое отношение к жизни. И любви. А затем – подробные инструкции, как подобает себя вести приличному человеку. Пожалуй, из этих писем можно было составить целый трактат о морали. Но уж чего-чего, а моего таланта на это бы не хватило. И у меня не раз возникало желание сгрузить все это в кучу. И сжечь. И все-таки что-то удерживало меня от этого поспешного шага. Наверно, я все-таки за долгие годы привык доверять своей потаскушке – Музе. И на сей раз мое предчувствие в очередной раз оправдалось.

И я, набравшись ангельского терпения, разбирал письма. И наткнулся на маленький, помятый голубой конверт. Он пах чем-то до боли знакомым. Далеким. Очень теплым. И почерк – мелкий, корявый. С прыгающими буквами. И массой орфографических ошибок. Так не похожий на аккуратные, каллиграфически выведенные буквы многочисленных поклонниц Кита.

«Дурачок ты мой, дурачок. Я и не подозревала, что из-за этого можно устроить такой скандал. Нет, целое скандалище! Тем более Лоб и не стоит таких переживаний, глупенький мой мальчик. Он и танцевать толком не умеет. Наступает все время на ноги. Лоб у него большой. А ума Бог не дал. Разве это не так? Я надеюсь ты с ним не поссорился? А у меня до сих пор синяк на плече от твоей дурацкой ревности. Веди себя хорошо, прилежно. И не дерись. Учись на одни пятерки. Ужас, как люблю отличников. А я здесь без тебя скучаю. Ты мне веришь? Ну и что, что море. Оно такое грязное. И даже нет красивых ракушек. И цветы мне здесь не нравятся. А Лобов-старший такой зануда! Все время о чем-то думает, думает. И книжки читает. Даже мне попытался подсунуть какую-то. Я полстраницы осилила. И уснула. И сгорела. Теперь хожу красной. Как рак. А Лобову нравится. По-моему, он в красоте вообще ничего не волоклет. Шкура моя скоро слезет. И я научу тебя ее сдирать, хорошо? Особенно на плечах, а то я не достану. И не думай, ради бога, так много! Это тебя портит. Ты же всегда

такой веселый. Я по-прежнему в тебя влюблена. И уже мне хочется тебя поцеловать. Только чур не кусаться! А то у меня всегда вспухшая губа. И Лобов на меня стал чаще подозрительно поглядывать. Ты знаешь, при всем его занудстве в нем столько такого... Не зря я его все-таки полюбила. Один раз он даже сумел побить трех парней, которые ко мне приставали на пляже. Кстати, ребята ничего. Один даже очкарик. Но Лобов их все равно побил. Вот и все, пожалуй. Если захочешь – передай привет Лбу. Хотя нет. Лучше не надо. А то он что-нибудь заподозрит. А я ужасно не люблю разбирательств. Пока, мой славный мальчик. Я улыбаюсь, вспоминая тебя. Целую крепко-крепко. Только, чур не кусаться!

Вера».

Вера... Вера... Вера... Боже, как это было давно. И Кит. Болтливый Кит. Душа нараспашку. И ни одного слова – про Веру. Видимо, он слишком уважал моего отца. И слишком любил меня. А, может быть, что-то гораздо большее удержало его заговорить про Веру. Видимо, я об этом уже никогда не узнаю. Боже, как это было давно. Наш маленький дворик, утопающий в тополях. Зеленые цветы на балконе. Мой красавец и умница отец, вертлявый хохотун Кит. Я, флегматичный до смеха. И Вера. Вера... Боже, как это было давно...

Я выключил свет. И лег спать. И неожиданно для себя мгновенно уснул. Хотя вот уже сколько пет мучился бессонницей. Единственной своей болезнью...

Утром я сидел за столом в углу, как всегда. И ждал кофе. И передо мной лежали бумага и ручка.

– Здравствуйте, – официантка поставила чашечку передо мной. И как всегда, робко улыбнулась. – Вы сегодня будете писать?

Я пробурчал что-то невнятное в ответ. И со страхом подумал, что она сейчас спросит: «А о чем?»

– А о чем, если не секрет? – спросила она, чуть покраснев.

– Секрет, милая девушка. Все, что еще непридуманно, всегда секрет, – изрек я на всякий случай для истории.

– А-а-а, – протянула она понимающе. И все так же продолжала стоять, уставившись во все свои красивые глаза на меня. Явно, она что-то хотела еще спросить.

– Вы что-то хотите спросить?

Официантка замялась.

– А та... женщина... Ну, вчера, помните? В узком коротком платье... Она ваша жена?

Я замахал руками.

– Ну разве я похож на женатого человека? Это моя муза, милая девушка.

– Ну и муза у вас, – она обиженно покачала головой. – У нас, между прочим, довольно приличное кафе. С такими музами можно встречаться и в другом месте.

– Я непременно воспользуюсь вашим советом, милая, – и я уткнулся носом в чистый лист бумаги. Чтобы не погово-

ритель грубостей. И не заметил, как она ушла. И уже ничего не замечал. И моя рука, мимо моей воли вывела в центре белого листа два слова:

«Без Веры...»

Вера... Вера... Вера... Боже, как это было давно. Наш маленький дворик, утопающий в тополях. Мой умница и красавец отец. Вертявый хохотун Кит. Я, флегматичный до смеха. И Вера. Вера... Боже, как это было давно...

Отец привел ее в наш дом, когда мне только стукнуло шестнадцать. И я закончил девятый класс.

– Знакомься, Костя. Это Вера, – и отец за руку подвел ее ко мне.

По возрасту она мало отличалась от меня. И я позднее узнал, что ей уже 23 года. И очень удивился.

– Это Вера, – повторил отец. И виновато улыбнулся.

А я, заглядевшись на ее стройные ноги, не мог сообразить в каком качестве она вошла в наш дом.

Отец откашлялся в кулак.

– Она будет у нас жить.

Я поднял на него удивленный взгляд, наконец-то сообразив, что он сказал.

– Она что – беспризорница? – спросил я.

И Вера расхохоталась. И смешно сморщила свой острый носик.

– Какой большой у тебя лоб, – восхитилась Вера. И легонько прикоснулась кончиком пальца к моему лбу.

Я резко отпрянул.

— Какой милый у тебя мальчик, — Вера назвала моего отца на «ты». И меня это неприятно удивило. — И лоб у него большой. Как тебя зовут, мальчик? — и ей при этих словах оставалось вытащить конфетку.

— Лоб, — представился я. И поклонился до земли.

Вера прыснула.

— Лоб, — передразнила она меня. — Очень подходит. — Лоб маленький, — и она бесцеремонно тыкнула в меня пальцем. И тут же повернулась к отцу. — А ты — Лобов-большой. Когда Лоб вырастет, его тоже станут называть по фамилии. Он вырастет и станет Лобовым, а не Лбом.

Она несла такую чушь. Что я не выдержал и незаметно замахал руками возле ушей, глядя на отца. Отец ответил мне укоризненным взглядом.

— Боже! — Вера всплеснула маленькими ручками. — И так живут ученые! — и она жестом указала на нашу комнату.

— Да в такой комнате можно сдохнуть от скуки! Ни одного цветочка даже!

И, оглядев комнату новыми глазами, я неожиданно согласился. Судя по виду отца, он согласился тоже. Хотя раньше мы этого не замечали. Письменный стол, тахта, книжный шкаф, набитый книжками, нас вполне устраивали. Во всяком случае все было под рукой.

Но Вера эта обстановка явно шокировала. Мы стояли с отцом, вытянув руки по швам. А она порхала из угла в угол.

Щебетала, как лучше устроить наш уют.

– А на балконе мы посадим цветы, – заключила она. – Они называются вечерние улады. Потому что пахнут только по вечерам. Лобов, ты любишь цветы?

Отец пожал плечами. Над этим вопросом он, пожалуй, за всю свою жизнь ни разу не задумался.

– А что ты любишь, Лобов?

– Канта, – отец почесал за ухом.

Вера посмотрела на него, как на чокнутого.

– А ты, Лоб? – уже с опаской обратилась она ко мне.

Я отдал учтивый поклон.

– Шопенгауэра, к вашему почтению.

Вера щелкнула язычком.

– Ну и ну! Так недолго и повеситься. И чтобы не сделать этого опрометчивого шага. С сегодняшнего дня вы полюбите совсем другое.

– Что??? – со страхом почти одновременно крикнули мы. С отцом.

Вера потащила нас на балкон.

– Лобовы! Ну посмотрите же! Протрите глаза, Лобовы! – и она показала куда-то вдаль.

Мы терли глаза. Но ничего там не видели заслуживающего нашей любви.

– Какие тополя, Лобовы! А воздух! – Вера глубоко вдохнула утренний воздух летнего дня. – Вы чувствуете? А запах! Лобовы! Под вашим окном цветет целый куст жасмина!

А вы в это время любите какого-то Канта и... как его, – тут Вера запнулась. – Шопенагура, кажется...

– Шопенгаура, – обиделся я за своего любимого философа.

– Ну, это без разницы, – Вера махнула рукой. Явно, что эта фамилия была для нее пустым звуком.

– И еще лето, Лобовы! Сейчас лето. Вы это хоть знаете? Мы дружно кивнули головой. Уж что-что, а это мы знали точно.

– С сегодняшнего дня вы и его начнете любить. А еще... А еще – меня.

Отец развел руками. Это для него было неоспоримым. Через пару дней наша квартира преобразилась. И если раньше в нее еще как-то можно было попасть через дверь. То теперь это было сделать практически невозможно. Потому что дверь просто-напросто с трудом открывалась. По-моему. Вера понятия не имела, что в комнату входят через дверь. Она завалила ее какими-то разноцветными коробками. Книги все выгрузила из книжного шкафа на пол. По ее мнению так будет легче найти любую книжку. А книжный шкаф постепенно заполнялся какими-то ветками, засушенными цветами, бабочками, камнями и много-много еще другим. На что способна природа. А стены она разрисовала какими-то разноцветными кляксами. Как она объяснила мне, что это цветы. Но с этим заявлением я довольно легко согласился, так как часто бывал на выставках современной живописи. А

у Веры получилось не хуже. И к тому же за несколько минут. Творческих исканий она не знала. И не хотела знать.

В углу комнаты она поставила клетку, в которую посадила белую мышь. По ее мнению клетка – лучшее место жительства для мышей. Поскольку они вольны распоряжаться своим временем. И в любую минуту могут легко проникнуть через прутья на волю. В общем, я ничего в этой обстановке не понял.

– Ну ты и тупой, Лоб, – заявила Вера, усевшись на каком-то ящике. И затягиваясь глубоко сигаретой, когда я попытался разузнать, что все это значит. – Ну в кого ты такой тупой? – не унималась она. – Ты просто слушай, что говорят старшие.

– Это ты-то старшая? – съязвил я.

Она утвердительно кивнула.

– Семь лет разницы – это много, Лоб. – Я, можно сказать, тебе в матери гожусь.

– Мамочка, – гнусаво пропел я. И протянул к ней руки. Она хлопнула со всей силы меня по рукам. Я разозлился и шпульнул в нее огромной шишкой. Она легко увернулась. И как тигрица прыгнула на меня. И повалила на пол. И заломила вверх руки.

– Вот так, Лоб. К чему приводит непослушание. Тебя еще можно в угол ставит, Лоб. – И она больно щелкнула меня по лбу.

Она была на полторы головы ниже меня, эта чертовка. Я

легко мог поместить ее подмышку. И я никак не мог ожидать, что в ней столько силы. И с этого дня я зауважал ее. Как своего парня. И мы даже подружились. Хотя отца я долго не мог понять.

– Если бы жива была бабушка, она все равно бы умерла, увидев эту беспризорницу. В нашем благовоспитанном доме, – выговаривал я отцу, важным шагом расхаживая взад-вперед по комнате. – Я не спорю, мой дорогой отец, – продолжал с пафосом я, – фигурка у нее – класс. Любая девчонка может позавидовать. Хотя личико... Нет, отец? Личико – так себе...

– Перестань паясничать, – перебил меня отец недовольно.

– Во всяком случае я благодарен тебе, что ты принял ее... Без всяких...

– Ну, отец! Не стоит благодарности! Я понимаю, что взрослому мужчине время от времени нужна женщина, – попытался сказать я как можно серьезнее. – Но это не значит, что нужно сразу тащить ее в дом.

– Сколько жизненного опыта, сын мой! – и отец хлопнул меня по плечу.

Я его хлопнул в ответ. Но гораздо сильнее.

– Честно говоря, меня мучает один вопрос, старик. О чем с ней можно разговаривать? Она даже понятия не имеет кто такой Кафка. А когда я спросил, что такое рококо. Она ответила – пирожное.

– Никогда не задавай женщинам слишком много умных

вопросов, Костя, – рассмеялся отец. – От них они быстро стареют. И по – том. Твой жизненный опыт на сей раз подвел тебя.

– Ты о чем? – не понял я.

– Чтобы любить – общие темы для разговора не обязательны. А иногда они только мешают. Усвоил?

В дверях показалась каштановая головка. И остренький носик.

– Лобовы! Обед готов!

Мы с опаской переглянулись. И наши опасения оказались ненапрасны.

В наших тарелках покоилось нечто липкое, вязкое, серо-буро-малинового цвета. Нечто вроде смеси манной каши, творога и перспелой малины. В общем, в наших тарелках умещалась вся жизненная философия Веры.

– А вообще-то вкусно, – с трудом выдавил из себя отец. И поперхнулся.

Ну что тут возразишь против любви?

Но я все-таки попытался оттянуть долгожданный момент принятия пищи.

– Вы слышали, передавали по телевизору, что в Египте один мальчик съел крокодила. И у него выросли клыки? – и я задержал ложку у самого рта.

Вера подскочила на стуле от удивления.

– Египет – это в Китае? – спросила она.

– Египет, Вера, это в Египте, – я многозначительно посту-

чал ложкой по столу. Так и не применив ее по назначению.

– Ну я же не крокодила вам предлагаю, – и Вера обиженно поджала свои маленькие губки.

Отец вмиг очутился возле нее. И со всей силы прижал ее к себе. Вера обвила руками его шею. И зажмурила глаза. А я понял, что мне здесь больше делать нечего. И пообедать так и не придется. И я чуть-чуть позавидовал отцу, что он умудрился съесть двух крокодилов сразу.

Мой отец, по-моему, понятия не имел что такое солнце. Он уходил рано утром. Когда оно только вставало. И возвращался поздно вечером. Когда оно уже отслужило свою службу. Целыми днями он пропадал в своей лаборатории. Изучая строение молекул. И их перемещение в пространстве. И появление Веры ни коим образом не отразилось на его работоспособности. Напротив, только усилило ее. Но каждый вечер он, как мальчишка прибегал домой. Запыхавшись, со слипшимися потными волосами. И в его светлых глазах играл лихорадочный блеск. Он хватал Веру на руки. Обнимал со всей силы. И осыпал поцелуями ее маленькое остренькое личико.

– Вера, Верка! – на одном вздохе повторял он тысячу раз. – Как я соскучился по тебе, Вера.

Она тащила его в ванную. И, хохоча, обливала холодной водой. Про мое существование отец забыл вообще. И я бы не удивился. Если бы случайно встретив меня в прихожей,

он спросил, рассеянно шаря глазами по моему лицу:

– Мальчик, а что ты тут делаешь?

И я бы непременно ответил, что собираю металлолом. Солнце этого лета мы встречали вдвоем с Верой. И проводили вдвоем тоже.

– Вере необходима опора и поддержка. Ты же знаешь, я не могу уделять ей слишком много времени. А у тебя – каникулы, – не без зависти заметил отец. – Постарайся развлечь ее. И не обижай, пожалуйста. Вера – слабая женщина.

Я утвердительно кивнул. Вспомнив невзначай, как ловко она умеет заламывать руки.

– Она не плохой парень, отец. Я не дам ей скучать, – пообещал я отцу. Наконец-то сообразив. Что мое последнее безмятежное лето детства летит коту под хвост.

Целыми днями мы с Верой проводили на пляже городской реки. Не раз я встречал там своих школьных товарищей. Которые с завистью пялились на Веру. И иногда шептали мне на ухо, где это я умудрился подцепить такую милую обезьянку. При этом я многозначительно закатывал глаза.

Правда, как-то я попытался разнообразить наше времяпрепровождение. Пригласив Веру в музей. Вера округлила свои каштановые пуговицы. И неожиданно согласилась. Целое утро она выбирала себе наряд, разбросав по всей квартире многочисленное количество тряпок. По-видимому она решила, что в музее живут художники. И непременно пишат портреты очаровательных обезьянок.

– Тебе нравится, Лобик? – ласково спрашивала она меня. Кружась возле зеркала в очередном наряде.

Я пожимал плечами. И до меня уже начинало доходить, почему в моем кармане образовались дыры.

– Вера, – я взял ее за руку, – ты прелестна, Вера, – как можно правдоподобнее промяукал я. – Но почему бы тебе не поделиться со мной своими доходами?

– Ты о чем, Лоб? – и она удивленно вытаращила свои пуговины на меня.

– Ну, Вера. Я же тоже какой-никакой родственник старшему Лобову. Ведь ты не станешь отрицать наши родственные связи?

Вера покачала головой. Этого они не отрицала.

– Ну и умница! Не одной же тебе транжирить его монеты. К тому же я честно заслужил. Что ты думаешь, я бы даром таскал тебя по музеям? Или добровольно жертвовал своей молодой кожей на пляже?

– Ну ты и наглец! – рассмеялась Вера. И вытащила из своего кошелька рубль. И приклеила слюной к моему лбу. Тут пришла очередь расхохотаться мне.

– Школьникам не положено больше! – строго ответила Вера, еле сдерживая улыбку. – А сигаретами я тебя угощу, – и она мне заговорщицки подмигнула.

– Не курю, – вздохнул я. – Мой молодой организм нуждается в доброкачественной пище. Для дальнейшего роста.

– Ну и зря, – заключила Вера.

В музее мы с ней пробыли ровно пять минут. Вера сказала, что ей там жарко. Хотя это была наглая ложь. По-моему ее обидело, что все почему-то таращились на картины. И никто по достоинству не оценил ее легкого платья цвета малахита. Которое посоветовал одеть я. И она никак не могла понять почему.

А деньжата из нашего дома убывали со скоростью света. И я понял, что скоро мы с отцом пойдем по миру. И эта перспектива меня явно не устраивала.

– У тебя сегодня новый браслет, Вера, – заметил я, разваливаясь с ней рядом на горячем песке. – Странно. Ученый человек. Лауреат, не без гордости замечу, многих международных премий. От его открытий торчит весь запад. И все оказывается ради чего?

– Ради чего? – любопытствовала Вера, с любовью глядя свой новый золотой браслетик. Который, кстати, очень шел ее золотому загару.

– Ради браслета для одной маленькой обезьянки. Как оказывается, комичен мир? – с пафосом заключил я. И уткнулся носом в песок.

– Лоб, какой ты тупой! – и она кулаком стукнула меня по спине так, что я подскочил. – Премии для того и даются. Чтобы их тратить вот на такие браслеты. Когда-нибудь и ты, Лоб, уж мне-то поверь. Ухнешь свои деньжата не на благотворительные цели. Но тебе этого не понять. Ты еще слишком мал.

– Я этого никогда не пойму, Вера, – и я повернулся к ней боком.

– А я никак не пойму другого, – и Вера искренне вздохнула.

– Чего? – буркнул я, заметив про себя. Что она вообще мало что понимает.

– Как можно давать такие бешеные деньги за какие-то молекулы. Которых даже не видно. А природа, которую видно. Слышно. В это время погибает.

– Погибает, Вера.

– Лоб, – она прикоснулась к моему плечу. – Вот ты умный, Лоб. Да?

Я не без гордости утвердительно кивнул.

– И что? Мне Лобов что-то говорил, но я плохо усвоила. И что? Правда, что эти молекулы водятся в человеке?

Я закусил нижнюю губу.

– Водятся, Вера. Водятся.

– Как это?

– Очень просто, Вера. В кошке водятся блохи. Ты разве не знала? А в человеке – молекулы. Это так просто, Вера.

Вера брезгливо сморщила носик. И с опаской прикоснулась к своему загорелому телу.

– Извини, но мне иногда кажется, что твой папаша не слишком умен, – поделилась она со мной своими драгоценными мыслями. – Он не знает названия ни одного цветка. Ни разу не видел, как всходит солнце. И представляешь, даже

не слышал, как в одной ракушке уместается целое море? И при этом своем невежестве он занимается какими-то блохами. Или, как их? Молекулами? Да? Которых даже не видно. А зачем заниматься тем, что не видно? Что даже никак не попробовать на вкус? Так, Костя? Мне не нравится то, чем занимается Лобов, – вздохнула она. – Но приходится с этим мириться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.